

Отныне библиотека стала у Лизы частым местом для посещения. Даже когда на пятый день она набрала уже семь кило и её "раздуло" так, будто бы была уже на последнем месяце, то всё равно карабкалась по лестнице на тот укромный балкончик и прилипла к окну с биноклем...

Что же творилось там, у неё дома? Что принёс за собой тот взрыв и обрушение башни? Почему над частью города она более не видела даже крыш? Куда они исчезли? Она не знала. И от безысходности лишь досконально пересчитывала повисающих в окрестностях обрушившейся башни покойников. Уж по крайней мере до тех пор, пока их количество не превысило сотню...

Они лезли оттуда, словно бы пчёлы из потревоженного улья и мешками надували свои вывернутые наружу внутренности. И сколько бы их ни пытались расстреливать из луков и арбалетов - это едва ли могло их убить, а подобраться ближе, чтобы опустить до земли и расчленить на куски по какой-то причине было невозможно...

Ей было страшно. И незнание ситуации ещё больше усиливало это гнетущее чувство.

Что же там могло произойти?..

Однако же вечером, когда все обитатели особняка собрались в обеденной за молчаливым ужином, Кевин всё же нарушил чрезмерно натянутую тишину чем-то большим, чем буднично-вежливым "передайте кувшин" и "спасибо":

- Я до последнего надеялся, что они не станут этого делать. Они могли обрушить башню на сам город, но... всё оказалось ещё хуже.

Вытянувшись у стола во весь небольшой рост Шаос замерла, лишь наполовину опустив перед господином тарелку с варёной, но до хруста обжаренной... сваренной в масле картошкой.

- Я расспросил новоприбывшую смену...

При упоминании охраны, Райзи громко, в голос хмыкнула. И покосилась на стоящую подле мужа девушку - такую пузатенькую, будто бы она трахалась сразу с тремя мужиками не каких-то пять дней назад, а все девять месяцев. И это была только половина срока, когда живот ещё даже не начал расти в полную силу.

- А с ними твоя ненаглядная служаночка уже успела совокупиться?

Вот это вот прозвучало обидно - это же было всего один!.. Ну, полтора раза! И то не по её вине! Тем "вечером" над ней вообще чуть было насилие не совершили! Вчетвером!

Но Кевин на слова жены лишь с прискорбием стиснул губы и выждал короткую паузу - мужчина всё ещё чувствовал вину перед своей женой и не мог сказать, чтобы она его не перебивала.

- В городе творится полный хаос. Простой люд возмущён и устраивает на улицах настоящий беспредел: жгут отделения стражи, громят административные сооружения. Бунтуют и отказываются работать, цеха - в простое.

- И мы тут, в нашем укромном болотце, конечно же в полной безопасности, да? - Флин дождался, пока Хатакри поставит перед ним тарелку, и с презрительным видом отщипнул пальцами аппетитно поджаристую корку картофелины. - Сидим, квакаем. Жрём горелую картоху. У нас сегодня без мяса? Давай пустим на него эту свинку - а то что мы её за зря раскармливаем, а?

- Ты не понимаешь? Часть города ушла под землю - провалилась в бездонную яму! Люди лишились своих домов и семей, десятки тысяч числятся погибшими - либо же пропавшими без вести, а ты жалуешься на скуку и на то, что эта девчонка снова спалила картошку?

На этих словах скепсис со стороны домочадцев был готов приугаснуть, ибо они не были готовы к такому... И они, каждый в своей мере, замолчали...

И все же - обида взяла своё:

- Надо же... Надо же! - В приступе внезапной рези в глазах, Райзи бросила вилку прямо на стол, а стул её скрипнул о пол, когда изящная девушка встала из-за стола. - А я уже успела подумать, что тебе плевать на людские жизни!

- Райзи, прошу...

- Вот именно! Что мы здесь забыли? - Присоединился к "матери" и Флинн. - У нас же есть корни в Пойме! Просто уедем отсюда и плевать на этот муравейник! Его и так пора было почистить от грязи!

Но когда он попытался взять её за руку, как бы выражая этим своё с ней согласие, то девушка грубо вырвала её из его лап.

- Ой, да кончай ебальником щёлкать, недомерок ты избалованный! Город он чистить собрался, блюстителю нравственности херов. Ты - пустобрёх и тряпка. И так и будешь тряпкой, не способной высунуть свой нос из-за спины своего строгого папочки!

- Это я тряпка?! А кто тогда ты - подстилка для старого урода, который за всю свою жизнь ничего не добился?! Меня такая судьба не интересуется!

Да... Определённо, но Кевин потерял свой вес в этом доме, раз он сидел за столом и пиялился в тарелку с румяной и не настолько уж и подгоревшей картошкой, со смирением делая вид, что не замечает происходящего. И Шаос стало его откровенно жалко. Как и пугали сказанные им ранее слова:

- Тоеесь - облусылся?..

Слабый, не совсем разборчивый голос Шаос практически потонул на фоне повышенных тонов молодёжи, но не всегда эта полукровка настолько уж бесполезна - её всё равно услышали. И, обернувшись к старшему из здесь присутствующих... к старшему из Пигвиков, ибо тут Шаос (и наверняка - Хатакри, но кто её знает?) не дала бы ему конкурировать, замолчали.

- В самом прямом смысле - говорят, там теперь просто теряющаяся во тьме дыра. Он просто обвалился в бездну! Чёрный день для Инокополиса, поистине.

Ехидна сглотнула. Её город... место, где она родилась и где она выросла, где жили все её... близкие? Все её хоть сколько-нибудь знакомые, а также те, кто сам её знал. Там была вся её жизнь...

А ещё она одна из всех присутствующих знала то, насколько глубока может быть эта подземная бездна. И какая тварь, в секунду испепеляющая тебя взглядом в пыль, там живёт. А возможно, что и не одна. Но удержав зубы от стука, она прикусила палец и со слезящимися глазами спросила:

- А сто именно... там облусылось?

- Я не знаю всех подробностей, но эпицентром обвала стала та башня. Дамианский квартал, насколько я понимаю, пострадать не должен был.

- А Сийеневые холмы?..

- Ээээ... - Неопределённо промычал человек. И с чего это ей была интересна судьба района для аристократии? - Не уверен. Не думаю, что должен был...

- Мы могли бы поселиться там... - Украдкой поинтересовался Флинн...

- Боюсь, у меня бы не хватило денег на покупку подобного имущества. Тем более, оно редко выставляется на торги.

А ещё там он бы не смог так просто заниматься своими исследованиями... один хрен - бессмысленными. И это заставило мужчину плотно стиснуть губы перед тем, как продолжить.

- Но вы правы - в городе сейчас слишком опасно. Тем более для людей, отягощённых хотя бы некоторыми финансами. Нам повезло, что есть возможность пересидеть здесь какое-то время, пока всё не уляжется...

Будто бы ранее они часто куда-то ездили, да.

- И всё же, у нас заканчивается продовольствие. - Вмешалась в разговор Хатакри. И сразу же к ней присоединилась Шаос, испытывающая в текущем своём положении особое влечение к пище.

- Да! И мне надо молока. Хотя бы молока, а то оно... - Девушка опустила взгляд, намекая на свой кругленький, оттягивающий к низу животик.

- Я передам эту просьбу одному из охранников - кажется, у него пропал кто-то из родственников, поэтому он будет вынужден посещать город.

А ведь сама она давно уже не интересовалась о судьбе отца... К сожалению, но возможности у неё такой не выдавалось.

Шло время, тянулись дни и часы. Душу Шаос не отпускало беспокойство и страх - ей хотелось домой... в смысле, в город, ибо дома у неё не было, но увидеть всё воочию. Узнать, пострадал ли кто из её знакомых, например... например, ну... Бриль и компания? Наёмники ведь, а их полегло в тот момент много. Как там Никифий... Тюрьма ведь тоже где-то там, на северо-западе от города?

Но не сегодня. И не завтра-послезавтра. Не в ближайшие дни, ведь сейчас...

Сейчас голубоволосая девчонка лежала в постели и тяжело, широко открытым ртом ловила необходимый ей кислород - ей было тяжело. Ей не хватало воздуха. Всё тело болело, давило на внутренние органы, а сама она с трудом шевелилась. Передвигаться самостоятельно она, увы, больше не могла. Максимум, что у неё получалось, это перевернуться с одного бока на другой, а после этого - скулить от боли и мучиться от одышки.

Сейчас, на тринадцатый день после зачатия, Шаос весила шестьдесят килограмм... Что за минусом её девятнадцати значило, что...

Нет. Ей не хотелось этого считать. И, срываясь на стоны во время обычного дыхания, она с трудом перевернулась на спину. Легла. А пока чувствовала, как на неё давит её же собственный живот, который она с трудом удерживала согнутыми в коленях ногами, накрыла лицо руками. Оно было влажное. Горячее... А саму её, ко всему прочему, сильно мутило.

- О-ох, Лизка... пеезиви эту ночь и всё будет нольмально!.. На какое-то время!..

Потому что эта ночь обещала быть "особенной" - из-за она была уверена в том, что её потомство уже полностью созрело и было готово покинуть её тело. Из-за плохого питания оно и так уже затянулось свыше нормального, а потому, убрав с лица руки, она до самого носа натянула одеяло поверх своей необъятной утробы. Слабо, но всё равно ощутимо подёргивающейся. Организм легонько "пинался", хотел освободиться от своей ноши. И всё же она, со стонами, со скулением и слезами на воспалённом лице, была вынуждена ждать.

- А-аах... Нитево, нитево! Сколо станес лёгонькой! Смозэс ходить... Уйдёс отсюда! Насовсем! Купис себе... техлов Кондомио Плэггинса и никогда!.. Больсэ никогда не будес!..

Она не договорила - не успела, как начались уже гораздо более сильные схватки. От которых она, стиснув на одеяле зубы, закинула голову назад и поползла дальше к изголовью кровати. Чтобы прижаться к нему спиной и, сидя с широко расставленными ногами, напрячься.

Один хрен это было чистым враньём! Она и впредь будет вынуждена корчиться в этих муках!

- У-ууууффф!... - Застонала ехидна. Хапнула ртом воздуха и вновь вцепилась в слюнявое одеяло губами. Стиснула веки и!.. И долго, мучительно напрягла живот, сжимая его вокруг плода и надавливая поверх него трясущимися лапками!...

Внутри лопнула первая оболочка - бёдра её и постель окатило тёплой водой, а сама дамианка, буквально захлёбываясь от боли... н-нет, не стала тужиться, как обычно, с огромным трудом выталкивая из своего несоразмерного малого для подобных размеров дитя тела. До страшно нетерпимой боли растягивая чрезмерно узкое лоно и постепенно проталкивая его дальше! Нет, под общим весом, плод вышел особенно "легко" - буквально сам вылез из неё наружу, лишь бы покинуть это тесное для них всех пространство... Однако же прохождение его через неподготовленные и неразработанные для этого ткани оказалось сконцентрированным во времени и оттого особенно болезненным, отчего мать, издав короткий, давящийся слюнявым языком звук, с силой ударила головой о спинку кровати, вся выгнулась до трепета натянутой дугою и наконец, в приступе утихающей дрожи, обессиленно пала.

Кажется... кажется, она кончила в родах. Грязная, похотливая тварюшка. И мысли об этом заставили Шаос легонечко улыбнуться. Перед тем как её накрыло следующим спазмом и она с икотой стиснула на груди руки, от чего ладони её и пальцы сразу же стали липкими - конечно же, она давала молоко. А во время схваток, когда каждая её мышца напрягалась, оно ожидаемо сочилось наружу, белёсыми потоками сбегая вниз по её телу из её аккуратных розовых сосочков.

- Л-лизка, ты... ты для такого не пьедназнатена! Ты слишком... ты слишком миниа!..

Началось! Снова! Вцепляясь в одеяло зубками, она с силой потянула его на себя, в то время как до дрожи напрягла мышцы живота в попытке помочь конвульсивно сжимающейся матке.

- Головка!.. Л-лезет!.. - Заскулила Шаос в ощущении, как её кервикс оказался раздвинут замершим внутри плодом. Иииии!..

Она снова кончила так, что едва не прикусила высунутый наружу язык - вместе с выворачивающейся маткой, из неё словно бы "гроздью" вышло сразу два плода полуобнявшихся и обвитых пуповинами плода... И в малых конвульсиях из сильно потерявшего объём, но не тугость животика вышел четвёртый. Плавно так и почти безболезненно. Как будто бы "вытек", неподвижно ложась на кровать, разве что оставшись торчать из неё обеими ножками и мясистой пуповиной.

Но на этом было ещё не всё. При следующих схватках она вытолкнула из вывернувшейся наружу матки послед - пронизанный сосудами орган, что прикреплялся к её матке и был связан с порождённым дитём перекрученной пуповиной. И с клокотанием слюны в горле - напряглась в следующих схватках, за три присеста порождая на свет и пятого...

Слёзы текли по её щекам. Блестели от от слюны губы и подбородок. По обвисшей на рёбрах коже ветвилось белыми линиями и капало на постель молоко. Одеяло и простыня

пропитывались всевозможными соками, а в комнате стало душно и сыро. И девушка, суча плохо подвижными ногами, обнажила себя, своё растянутое, повисшее пустой кожей тело. Будто бы раздавленное, с вылезшими наружу внутренними органами - это была матка и четыре, не считая уже выпавшей плаценты, пуповины. Четыре длинных, перекрученных жгута, крепящихся где-то в глубине её тела.

Ей оставалось породить последнего. Шестого... И тогда она, с этими тянущимися из её вывернутой матки пуповинами, перевернулась на обессиленных ногах на живот и схватилась за изголовье, становясь широко раздвинутыми коленями на влажный матрас. Последний... И девушка, роняя с лица смешанные со слюной слёзы и громко, сквозь стиснутые губы мыча, в очередной раз выгнулась. Практически припала растянутым животом к кровати и резко дёрнулась в другую сторону, с трудом выдавливая из растянутой матки ещё пару мерзких, влажно выворачивающихся наружу плацент. Не за один присест, но выдавливая их из себя! Их - и небольшого, но коренастого младенца... Дворфа!.. Он вылез из неё по грудь, а затем плавно "вытек" наружу, утягивая следом за собой и свой отслоившийся от матки Шаос послед.

И на этом - всё. В мыслях своих она ещё мечтала о том, чтобы собрать их всех и прижать к себе. Дать им возможность поесть, провести с ними хотя бы те несколько минут их бездушной биологической жизни - но не смогла. Лапки её соскользнули со спинки кровати и она пала без сил...

Она так больше не могла... Но была вынуждена.

<http://tl.rulate.ru/book/412/78132>